

В голландском зале Эрмитажа есть картина «Кающийся Иероним» Яна ван Хемессена. Святой, чья фигура едва умещается в рамках полотна, корчится в муках, глядя на Распятие, стоящее перед Библией. Иероним создал Вульгату — латинский перевод Священного Писания, который на протяжении веков считался главным текстом Западной Церкви. Средневековый живописец недвусмысленно показывает: процесс выковывания Слова — это процесс работы над собой. О своем опыте работы над собой, о долгом пути к библейскому тексту рассказывает известная чувашская писательница, переводчица Библии на чувашский язык Ева Лисина.

Дальний полустанок на железной дороге у Бологого. Даже платформы здесь нет: с подножки поезда прыгиваешь в липкую грязь...

Мы идем по едва заметной тропинке к летнему домику Евы Николаевны. У нее необыкновенное, удивительное лицо. Говорят, что лицо — это зеркало души. Если так, то лицо Евы Николаевны отражает следы каждодневной работы, совершаемой душой.

Вокруг нас эпический древний лес — деревья в два обхвата. «А вот тут я однажды заблудилась, — показывает Ева Николаевна. — Когда переводила Иеремию, вышла за белыми и плутала весь день. Потом вдруг остановилась и вижу: какое чудо вокруг! Молюсь про себя словами Иеремии, он меня и вывел». Последние двадцать лет Ева Николаевна посвятила работе над переводом Библии на чувашский язык. Ее пригласили в большой переводческий коллектив как уже состоявшегося литератора: за ее плечами был перевод на чувашский Островского, Юджина О'Нила. В том, что чувашская Библия стала второй полной Библией в России, огромная доля ее труда.

В доме нас ждет еще один человек. Сестра Евы Николаевны — Лиза. Она улыбается, приветствует нас, спрашивает, поставить ли чай. Лизе уже за семьдесят, но ведет она себя как четырехлетний ребенок. Показывает свои цветные рисунки. В детстве с Лизой произошло несчастье: она была тяжело

контужена в Зимнюю войну 1939 года. Казалось, шансов на полноценную жизнь у нее нет.

«Когда-то я пообещала себе, что никогда не брошу Лизу, — рассказывает Ева Николаевна. — И, вы знаете, без нее не было бы этой Библии. В 2010 году встал вопрос об издании полной Библии на чувашском языке. На печать нужно было 2 тысячи евро. Денег взять было неоткуда. И тут мне звонят с «Немецкой волны», говорят, что поставили радиоспектакль по моему рассказу. Пришел перевод — ровно 2 тысячи евро». Рассказ Евы Николаевны «Џăкăр чĕлли» («Ломоть хлеба») победил на литературном конкурсе известной немецкой радиостанции. Рассказ был посвящен Лизе.

Радостная и счастливая Лиза — это такой же подвиг Евы Николаевны, как и перевод Библии...

— Ева Николаевна, вы, наверное, один из самых известных представителей чувашской культуры. Ваши книги сегодня переводятся на европейские языки. И, между тем, у вас русское имя и фамилия. Как так получилось?

— После революции нам всем давали русские фамилии. В Чувашии появилось много Волковых, Кузнецовых. А про моего отца говорили: «Хитрый! Дадим ему фамилию — Лисин». Так мы и стали Лисиными. Мой отец, Николай Андреевич, был легендарным чувашским учителем. Он преподавал русский язык и литературу. Был необыкновенно образованным человеком. Он дал имя моей сестре — Лиза — по имени героини шиллеровской трагедии «Коварство и любовь», а меня назвал в честь библейской прародительницы человеческого рода — Евой. До революции в Чувашии были родовые фамилии. Наша была — Айги. Ее взял себе мой брат Геннадий — известный поэт-шестидесятник, ученик Пастернака.

— Расскажите, а как вы пришли в библейский перевод?

— Когда в 1990-е в библейском обществе началась работа над переводом, меня сначала не хотели брать. Но вышло так, что из всех переводчиков я была единственным верующим человеком, остальные были атеистами. И меня взяли.

Я очень этим гордилась, но Господь образумил меня с самого начала. Было это так. Первым моим заданием была Книга Чисел. И вот я приезжаю из Москвы в Чебоксары, спрашиваю у переводчиков: «Как переводится?» — «Да легко, — говорят. — Садись за машинку и печатаешь!» И вот, я тоже берусь

переводить, — и легко, невероятно легко переводить! У меня рука не успевает писать. А я всегда пишу от руки, потом откладываю на несколько дней, чтобы после отредактировать перевод. Проходит десять дней, беру в руки листы — а там ничего! Листы абсолютно белые, пустые, только на последних страницах что-то написано. Я бегу в книжный магазин, а мне говорят: «Есть такой стержень, который обесцвечивается через несколько дней». Вот со мной так и произошло. Мой перевод был физически уничтожен. Я очень редко плачу, но тут я не выдержала, заплакала. Села переводить снова. И перевожу с гигантским трудом, вопросы на каждом шагу. Все время прошу благословения у Господа. Переводила предельно осторожно: консультанты-богословы, с которыми я работала, говорили, что ни у кого не было столько вопросов по книге, как у меня. У меня их было около тысячи.

— Чувашский переводческий проект был запущен Объединенными библейскими обществами — это международная организация, которая финансировала проект и оказывала научную поддержку. Какую роль в переводе сыграла Русская Православная Церковь?

— В 1991 году, когда перевод начинался, мы получили благословение от митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы. Думаю, будь у нас другой владыка, перевод никогда бы не вышел в свет. Дело в том, что в Чувашии сильна традиция перевода, сделанного в начале XX века просветителем Николаем Яковлевым. И когда мы делали новый, столкнулись с тем, что некоторые из священников его не принимают. Камнем преткновения стало слово «Господь». Яковлевский текст не делает различия между словами «Бог» и «Господь». Оба слова Яковлев переводил одним «Тура», что означает Бог. Там, где в Библии употребляется выражение «Господь Бог», Яковлев переводил «Тура-Тура». Мы долго искали эквивалент слова «Господь» и нашли слово — «Сул Хузя», что буквально означает что-то вроде «верхний хозяин».

И вот, когда мы издавали Пятикнижие, было напечатано пять пробных экземпляров. Их отдали на рассмотрение Богословской комиссии при митрополите. Должно было состояться заседание с обсуждением перевода. Идя по коридору, я услышала за спиной: «Что же она наделала! Решила разрушить то, что сделал Яковлев!» А мы уже договорились с издателями! Когда я зачитывала отрывок, помню, ноги тряслись так, что я держала их рукой. Спрашиваю: «Понятен ли перевод?» — «Очень понятен! — отвечают. — Слова как будто льются». Хвалили, но «Сул Хузя» отказались принимать наотрез. Что же было

делать? Думали даже издавать, выкинув это слово, но в последний момент передумали. Нам написал отец Сергей Овсянников из Амстердама (он был богословским консультантом): «Если мы издадим Пятикнижие без этого слова, то считайте, что мы загубили дело. Будем бороться, будем доказывать!» Он первым написал большую статью о божественных именах. Мой брат Геннадий Айги, которого любят и ценят в Чувашии, тоже написал статью. И я написала... Одним словом, вышла целая серия статей, где мы обосновывали свою точку зрения, доказывали свою позицию.

После этих публикаций состоялось совещание у владыки. Кто-то опять сказал, что нельзя переводить «Сул Хузя». И тогда владыка, обычно спокойный и сдержанный, вдруг сказал очень резко: «Никто из нас не избежит смерти. Придут новые поколения, которым будет нужна Библия на понятном языке. Хотя я не чуваш и языка не знаю, но я верю Еве Николаевне. Пусть она публикует книгу». Благословение было получено.

— Библейский перевод подразумевает диалог между древностью и современностью, между духовным миром народов Ближнего Востока и миром того народа, на язык которого осуществляется перевод. Расскажите о духовной культуре чувашей.

— Мы один из немногих тюркских народов, для которых православие — это традиционная религия. Мы находимся в окружении исламских народов — татар и башкир. Принятие православия сказалось на облике чувашей: мы стали менее воинственны, более покладисты. Вместе с тем, в чувашской культуре сильны элементы язычества.

Эта двойственность видна даже на примере моей семьи. Моя мать была глубоко верующей христианкой, а ее сестра была язычницей. По матери я из жреческого рода. Жрицами всегда были высокие, светловолосые женщины с холодными глазами. Что такое язычество в деревне? Это всегда страх: упадешь, повредишь коленку — надо умилостивить силы земли; идешь в баню — там тоже идол стоит. Мама в этом смысле была свободным человеком. Однажды мы распахали поле, из него вышли заколдованные монеты. Другие затряслись бы, побежали к колдуну. А мама сказала: «Какая гадость!» Тетя была очень умной и властной. Она хотела передать мне свои знания. Хотя я и не подходила по физическим данным, она оценила мой ум. Сказала: «Из тебя можно что-то сделать, тыходишь, только глаза безобразные — слишком добрые». Она мне показала очень многие приемы. У меня не было страха. Я просто взяла и уехала.

В Послании апостола Павла к Римлянам есть замечательные слова о язычниках: «Не имея Закона, они сами себе Закон: они показывают, что дело Закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их». Иногда мне кажется, что эти слова можно отнести к чувашам. Чувашский народ заслужил перевод Библии, потому что среди нас много тех, кто верует, как дети. Когда я переводила, у меня была установка — включить в текст весь корпус языка. Читая перевод, я слышу колокольный набат и шум океана.

— Какие библейские книги оказали на вас самое сильное впечатление?

— Прежде всего, книги великих пророков. Самое страшное было переводить Исаию и Иезекииля. В Книге Исаии Бог говорит своему народу и всему человечеству: «Люди, что ж вы так меня унижаете?» Тяжело эти слова вынести переводчику. Я испытывала почти физические страдания, молилась беспрестанно. Владыка Варнава говорил мне: «Враг будет тебе мстить, в особенности за пророков. Есть у тебя родственники? Будь осторожна, береги их». Действительно, если бы со мной не было моей Лизы, не знаю, что и произошло бы. Когда я переводила пророков, на меня напали отвратительные, жирные вши. Испробовала все на свете, включая какие-то американские средства. Ничего не помогает — сижу за столом, и все чешется. И вдруг вижу: Лиза тоже чешется. Тут я не выдержала и закричала: «Как ты осмелился напасть на сестру? Я-то ладно, но причем тут Лиза?» На следующий день все как рукой сняло.

Самой сложной для меня была Книга Иова. Я не знала, что некоторые книги Ветхого Завета написаны в поэтической форме. Когда закончила перевод малых пророков, мне сообщили: «Европа и весь мир эти книги теперь переводит в стихотворной форме». Я стала переводить Иова стихами. Мне помогала интуиция и знание чувашской поэзии: я чувствовала, в каком месте может «подсказать» тот или иной поэт. Чтобы избежать влияния русского языка, с которого делался перевод, я поступала так... Чувашскому языку не свойственны очень длинные предложения, какие есть в Синодальном тексте, когда же предложения короткие — это тоже плохо. И вот я тщательно перечитывала русский текст, а затем гасила свет. Около подушки у меня была бумага с карандашом. Темнота... русского текста я не вижу! И вдруг — беру ручку и пишу в темноте. А утром встаю — остается только слегка отредактировать. Когда не видишь текст, ты свободна — перед тобой только смысл.

Что касается Нового Завета, передо мной стояла задача максимально сохранить все хорошее, что было в переводе Яковлева, сохранить дух его

перевода. Смотришь на мой перевод — как будто яковлевский. На самом деле переделано абсолютно все. Но дух сохранен.

— Как бы вы оценили чувашский перевод Библии?

— На сегодняшний день он стоит к тексту-оригиналу ближе, чем Синодальный русский перевод. Кроме того, он задумывался как перевод церковный: он может быть легко использован для катехизации, богословского образования и для богослужения.

Беседовал Владимир Иванов

Фото: Анна Желонкина

Журнал «Вода живая»: № 4 (апрель) 2013.

Опубликовано: 12 апреля 2013

<https://aquaviva.ru/journal/moy-perevod-zvuchit-kak-nabat>